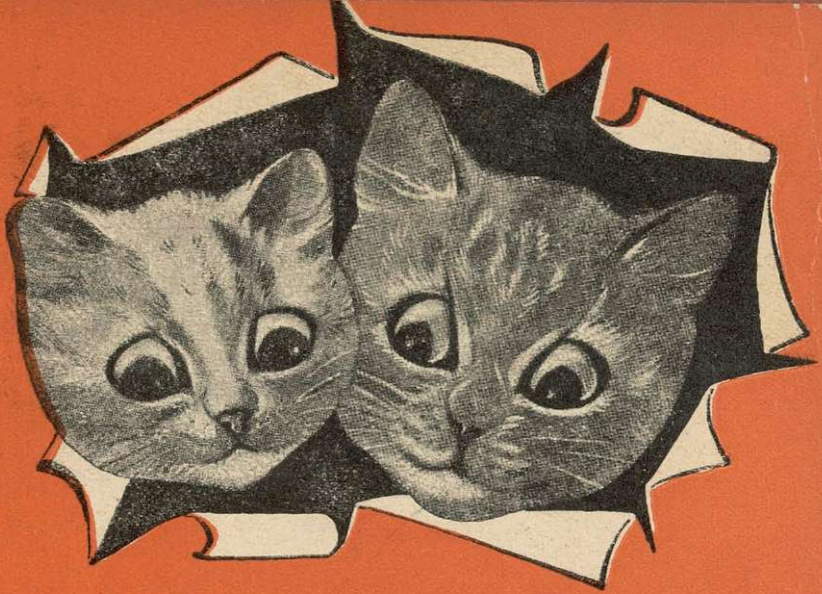

№ 6

ЯНВАРЬ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

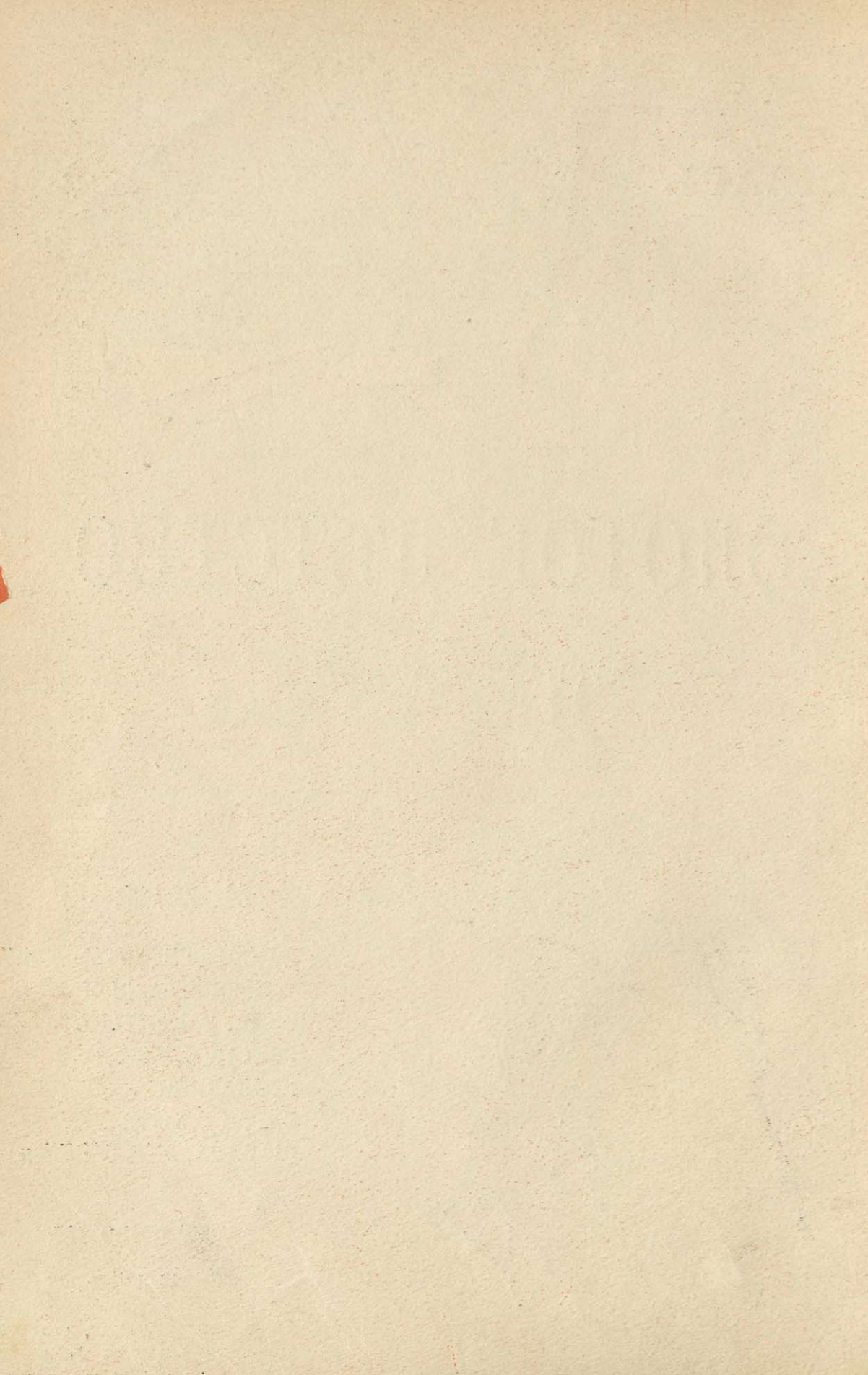
ПАУКИ - ГИГАНТЫ, ЖУКИ-
МОГИЛЬЩИКИ И ОСЫ.
ЗИМА. ЗАКРЫТЫ СТАВНИ.
СВЯТАЯ СЕМЬЯ.
ПРОКАЗНИКЪ.
БАРРИ (повѣсть).
ШАРАДА, АКРОСТИХЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Старосвѣтская мебель для склеива-
нiя.

«Въ дѣтской» — статьи для родите-
лей по уходу за здоровымъ и
больнымъ ребенкомъ (листъ 2-й).

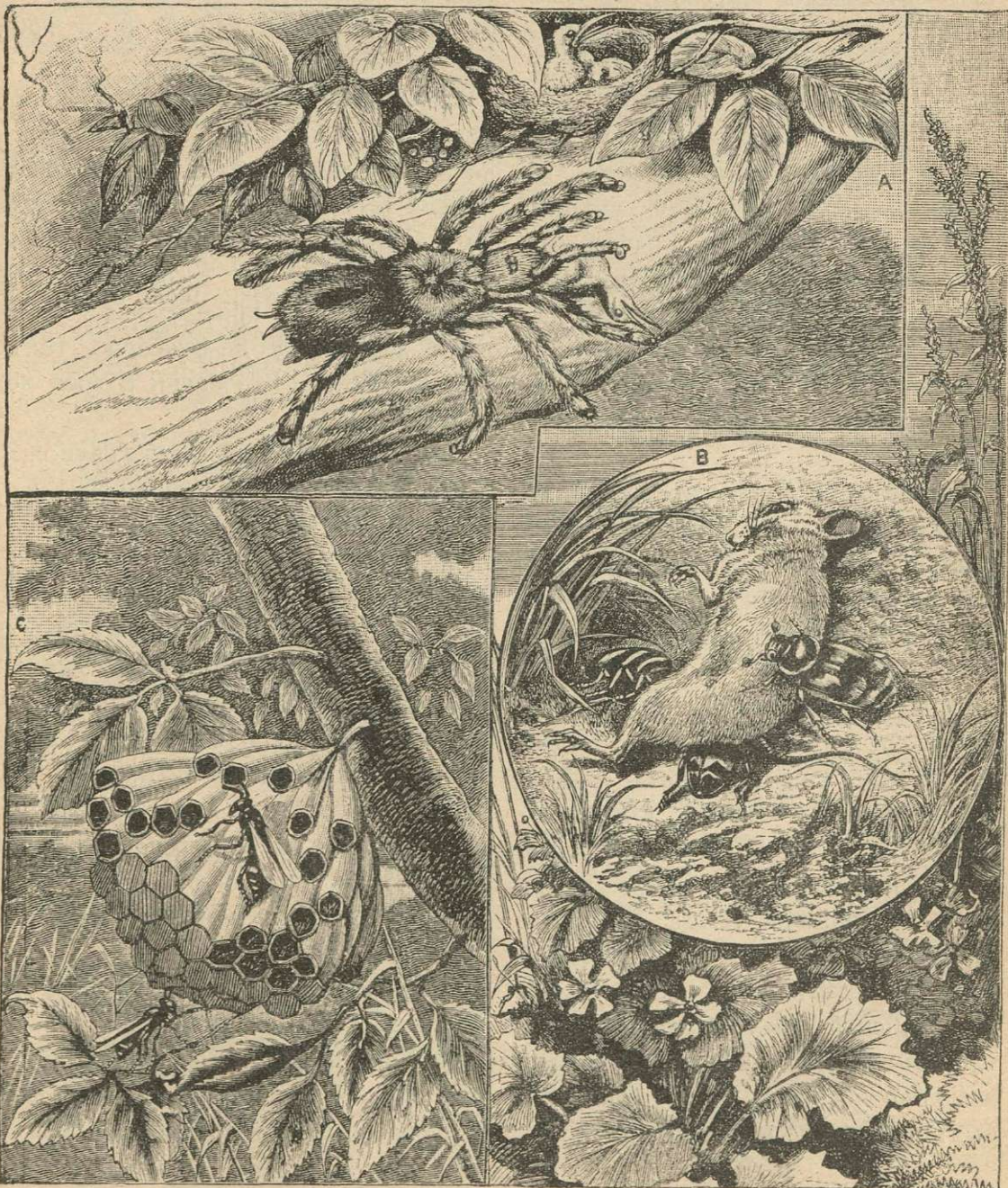

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

➡ Редакция просит подписчиков по разсрочкѣ послышать высылкой слѣдующаго съ нихъ взноса, чтобы не было перерыва въ высылкѣ имъ Журнала. ➡

А — Паукъ-гигантъ. В — Жуки-могильщики. С — Осы.

ПАУКИ-ГИГАНТЫ, ЖУКИ-МОГИЛЬЩИКИ и ОСЫ.

Въ жаркихъ и тропическихъ странахъ живутъ пауки огромныхъ размѣровъ. при чемъ самые большіе обитаютъ въ Южной Америкѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходитъ экваторъ. Тамъ они бывають такой величины, какъ большая мышь. Покртыя жесткой, темнаго цвѣта шерстью, эти злыя и отвратительныя существа, не смотря на свою величину, умѣютъ такъ отлично прятаться, подстерегая свою добычу, что ихъ мудрено отличить даже опытному глазу. Нападаютъ они не только на насѣкомыхъ, но и на такихъ сравнительно крупныхъ животныхъ, какъ ящерицы и птицы.

Долгое время думали, что эти пауки вовсе не трогаютъ птицъ, но такой путешественникъ, какъ Бэтсъ, своими глазами видѣлъ, какъ на берегу рѣки Амазонки, въ дѣвственномъ лѣсу, одна птичка попалась въ паутину къ такому пауку-гиганту и уже была почти мертва, тогда какъ другая находилась у него уже въ лапахъ и была вся смочена его слюной. Онъ прогналъ паука и освободилъ несчастную птичку, но она-все таки скоро умерла. Вотъ что пишетъ Бэтсъ о другомъ случаѣ: «Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ дѣтишки, принадлежавшіе къ индійской семьѣ, бѣжали домой, таща за собою паука на веревкѣ, какъ мы тащимъ собаку. При этомъ паукъ былъ перевязанъ ими вокругъ талии».

Это тѣмъ болѣе удивительно, что укушеніе такого паука чрезвычайно ядовито, а самая шерсть на немъ, если къ ней прикоснуться, вонзается въ тѣло въ видѣ занозы и причиняетъ мучительную боль.

Пауки-гиганты, живущіе въ Индіи, когда ихъ беспокоятъ, вскакиваютъ на заднія лапы и, шевеля передними лапами передъ собой, набрасываются на противника и издають при этомъ звукъ, похожій на трещаніе дробы по доскѣ. Откуда происходитъ у нихъ такой звукъ, еще не выяснено, такъ какъ извѣстно, что пауки голоса не имѣютъ вовсе.

Въ Европѣ нѣтъ большихъ пауковъ. Попадаются, правда, тарангулы величиной съ грецкій орѣхъ (съ лапами вмѣстѣ), но и то какъ рѣдкость. Рассказывали, что въ средніе вѣка въ Толедо, въ Испаніи, подъ самымъ куполомъ собора, жилъ паукъ, который выросъ настолько, что спускался внизъ, выпивалъ изъ лампадъ масло и вновь уползалъ къ себѣ подъ куполь. Паукъ этотъ былъ величиною съ блюдо и никому вреда не приносилъ. Жилъ онъ двѣсти лѣтъ. Быть можетъ, это и анекдотъ,—провѣрить трудно.

У природы есть цѣлая армія мусорщиковъ, которые занимаются только тѣмъ, что всюду разыскиваютъ мертвыя тѣла и всякую падаль, однимъ словомъ все, что можетъ заражать

воздухъ, — и хоронятъ ихъ. Особенно извѣстны, какъ охранители здравія людей въ этомъ отношеніи, такъ называемые жуки-могильщики. Всякій разъ, какъ эти жуки найдутъ что-нибудь мертвое, они тотчасъ-же принимаются за его погребеніе. Иногда дѣло это требуетъ отъ нихъ массы времени и труда, но они не унываютъ и настойчиво доводятъ его до конца. При этомъ они берутъ землю по крупинкѣ и именно изъ-подъ самого покойника до тѣхъ поръ, пока онъ постепенно не опустится въ выкопанную ими могилу ниже поверхности земли. Конечно, они преслѣдуютъ свою собственную цѣль: спрятать побольше тѣла подъ землю для себя и для своей семьи, а выходитъ такъ, точно они нарочно спасаютъ людей отъ всего тлетворнаго. Какъ только падалъ зарыта ими ниже поверхности земли, такъ самка тотчасъ-же закладываетъ въ нее свои яички, изъ которыхъ черезъ нѣсколько дней выходятъ личинки и затѣмъ изъ личинокъ такіе же жуки-могильщики, какъ и они. Личинки питаются тою же падалью, въ которой и родились.

Взрослые жуки-могильщики очень красивы. Верхнія крылья, служащая имъ щитомъ для нижнихъ, окрашены въ желтый и черный цвѣта. Участія въ летаніи они не принимаютъ. Жукъ-могильщикъ летаетъ только посредствомъ нижнихъ крыльевъ, которыя очень тонки и похожи на папиросную бумагу.

Совершенно иначе относятся къ своимъ гнѣздамъ осы, особенно та порода ихъ, которая водится во Франціи и въ Германіи и которая устраиваетъ свои жилища въ видѣ цѣлой колоніи, свѣшивающейся съ сучка дерева или съ чего-нибудь подобнаго. Исторія постройки такого гнѣзда очень интересна и самое гнѣздо составляетъ работу нѣсколькихъ поколѣній осъ, хотя и производится въ теченіи одного только лѣта.

Обыкновенно начинается работу только одна оса, матка будущей колоніи. Пробудившись отъ долгаго зимняго сна подъ влияніемъ теплыхъ весеннихъ лучей солнца, она принимается за устройство гнѣзда, для чего собираетъ частички сгниваемаго дерева и смачиваетъ ихъ особаго рода слюной, такъ что получается нѣчто въ родѣ писчей бумаги. Эти бумажки она сворачиваетъ въ видѣ трубокъ и прикрѣпляетъ ихъ къ сучку дерева. Такихъ трубокъ она дѣлаетъ всего только три или четыре и затѣмъ въ каждую изъ нихъ кладетъ по яичку. Изъ яичекъ своро выходятъ червячки и, чтобы запасти имъ побольше пищи, матка кладетъ имъ въ трубки разной тѣды и запечатываетъ ихъ. Наѣвшись достаточно, червячки впадаютъ въ глубокой сонъ и такъ и остаются запечатанными. А тѣмъ временемъ матка пристраиваетъ такихъ трубочекъ все больше и больше. Между тѣмъ изъ запечатанныхъ червячковъ дѣлаются осы съ крыльями: онѣ прорываются изъ своихъ келій наружу и тотчасъ-

же принимаются за ту-же самую работу, какую исполняла для нихъ и matka. Такимъ образомъ гнѣздо осъ все растетъ и растетъ. Сдѣлавъ ячейки, молодыя осы кладутъ въ нихъ яички, изъ этихъ яичекъ вылупляются опять червячки, изъ червячковъ опять выходятъ настоящія осы, которыя опять принимаются за устройство ячеекъ и т. д. Устроенное осами гнѣздо достигаетъ иногда громаднхъ размѣровъ. Такъ дѣло продолжается до конца лѣта.

А затѣмъ происходитъ трагедія. Какъ только осенніе заморозки даютъ осамъ понять, что зима уже на носу, онѣ всѣ, сколько ихъ есть, точно сговорившись въ этомъ, бросаются въ ячейки и убиваютъ тамъ всѣхъ своихъ червячковъ, изъ которыхъ должно родиться слѣдующее поколѣніе осъ. Для чего они это дѣлаютъ,—мы не знаемъ. Точно червячки эти не могутъ сами замерзнуть отъ хо-

лода! И кто знаетъ, быть можетъ осы многое чувствуютъ и сознаютъ, быть можетъ онѣ такъ-же, какъ и люди, имѣютъ жалость и не рѣшаются оставить своихъ червячковъ, этихъ беспомощныхъ созданій, умереть съ голоду или испытывать муки замерзанія? И это тѣмъ удивительнѣе, что и сами осы погибаютъ вскорѣ отъ того-же. Точно онѣ боятся, что червячки ихъ переживутъ и тогда некому будетъ за ними ухаживать.

Наступаетъ зима. Червячки убиты самими осами, осы-же всѣ погибли отъ голода и мороза. Осталась всего только одна оса, которая будетъ маткой въ слѣдующемъ году. Она ползетъ куда-нибудь въ укромный уголокъ, отыскиваетъ, гдѣ потеплѣе, устраивается тамъ и засыпаетъ на всю долгую зиму, чтобы проснуться ранней весной и затѣмъ вновь заняться устройствомъ колоніи.

*
* *

Зима. Закрыты ставни,
А въ печкѣ—огонекъ;
Я съ бабушкой-старушкой
Усѣлся въ уголокъ.

Морозъ трещитъ и пишетъ
Узоры на окнѣ,
А я сижу у печки,
Тепло, уютно мнѣ.

И бабушкину сказку
Я слушаю сквозь сонъ,
Какъ въ нѣкоторомъ царствѣ
Жилъ славный царь-Додонъ...

О, дѣтство золотое!
О, свѣтлые года!
Ужъ больше не вернуться
Вамъ въ жизни никогда!..

Ив. Бѣлоусовъ.

СВЯТАЯ СЕМЬЯ.

Жилъ въ Царьградѣ одинъ изъ знатнѣйшихъ бояръ по имени Ксенофонтъ. У него было много имѣній, но, несмотря на это, онъ отличался благочестіемъ и насколько высокъ былъ чиномъ, настолько же былъ смиренъ сердцемъ и не гордился своимъ высокимъ положеніемъ. Онъ былъ женатъ на нѣкоей Маріи, и родились у нихъ отъ этого брака два сына—Іоаннъ и Аркадій. Ксенофонтъ далъ имъ блестящее образованіе, и чтобы сдѣлать изъ нихъ людей еще болѣе образованныхъ, отправилъ ихъ въ городъ Виритъ, гдѣ въ то время жили знаменитые профессора, чтобы выучиться еще бѣльшимъ наукамъ. Проучившись тамъ нѣкоторое время, Иоаннъ и Аркадій получили вдругъ письмо, что отецъ ихъ тяжело боленъ, лежитъ при смерти и не надѣется болѣе оставаться въ живыхъ. Дѣти испугались и спѣшно возвратились домой. Отецъ имъ обрадовался, но, боясь умереть, сказалъ имъ слѣдующее:

— Я никого ничѣмъ не обидѣлъ, — и никого никогда не укорилъ. Я не клеветалъ, не завидовалъ, не гнѣвался, не враждовалъ, но всѣхъ любилъ и со всѣми жилъ мирно... Милыя дѣти! будьте ко всѣмъ кротки, любезны, смиренны, берегите вашу чистоту душевную и тѣлесную, будьте милостивы къ рабамъ, любите ихъ, старыхъ на волю отпускайте и содер-

жите ихъ на свой счетъ до самой ихъ смерти, и пусть Богъ мира будетъ съ вами!

Іоаннъ и Аркадій стояли около отца и горько плакали, и стали они всѣ вмѣстѣ молиться, чтобы Богъ исцѣлилъ Ксенофонта. И дѣйствительно Ксенофонту стало легче и, мало-по-малу, онъ сталъ выздоравливать и наконецъ поправился со всѣмъ.

— Ну, дѣти,—обратился онъ тогда къ Іоанну и Аркадію,—отправляйтесь вы опять въ Виритъ и заканчивайте тамъ ваше ученіе. И какъ только окончите курсъ, тотчасъ же возвращайтесь обратно. Я хочу васъ женить.

И посадивъ ихъ на корабль и снабдивъ ихъ прислугой и всѣмъ необходимымъ, онъ отправилъ ихъ въ путь.

Вначалѣ было тихо и дулъ легкій попутный вѣтеръ, а затѣмъ вдругъ поднялась страшная непогода, вѣтеръ задулъ прямо въ лицо и стали подниматься громадныя волны. Чтобы не опрокинуло корабль, матросы спустили на немъ паруса и его понесло вѣтромъ невѣдомо куда. Волны стали заливать корабль, и всѣ бывшіе на немъ стали плакать и ожидать своей смерти. Плакали и оба брата Іоаннъ и Аркадій. А тѣмъ временемъ волненіе стало еще сильнѣе, и матросы съ капитаномъ, видя, что кораблю уже

не сдобровать, сѣли въ крытую шлюпку, которая не боялась волнъ, и сдѣлавъ видъ, будто хотятъ помочь кораблю, уплыли отъ него совсѣмъ, оставивъ всѣхъ на произволъ судьбы. Они такъ разсуждали: уплывемъ отъ большого корабля, авось насъ выкинетъ на берегъ. Такъ ихъ участь и осталась неизвѣстной.

Видя, что капитанъ и матросы ихъ покинули, и что корабль уже разбился и сталъ погружаться въ воду, Иоаннъ и Аркадій сбросили съ себя одежды, чтобы лучше было плавать, и зная, что разстаются навѣки, стали плакать и взывать къ своимъ родителямъ.

— Прощай, дорогой отецъ! Прощай и ты, наша милая мать! Вы уже никогда больше не увидите насъ и намъ уже никогда больше не жить вмѣстѣ съ вами!

А потомъ они стали прощаться другъ съ другомъ:

— Дорогой братъ! Свѣтъ моихъ очей! Какъ тяжело намъ разлучаться! И если намъ невозможно избавиться отъ смерти, то пусть насъ обоихъ сразу покроетъ одна и та же волна и пусть ненасытная утроба моря будетъ намъ могилой обоимъ!

А затѣмъ они обратились къ своимъ рабамъ:

— Спасайтесь, добрые братья и други, спасайтесь и простите насъ!

Послѣ этого корабль разбился, каждый изъ нихъ ухватился за попавшую подъ руку доску и всѣхъ ихъ разметало волнами въ разныя

стороны. Но всѣ они были сохранены отъ потопленія и смерти, и ихъ выкинуло въ совершенно различныя мѣста: рабы были выброшены волнами въ городъ Тиръ, Иоаннъ попалъ въ нѣкое мѣсто, называемое Малмефетанъ, а Аркадій въ Тетрапиргію. И каждый изъ нихъ, думая, что спасся только онъ одинъ, а всѣ остальные погибли, не столько радовался о своемъ избавленіи, сколько скорбѣлъ о погибели другихъ.

Выйдя изъ воды, Иоаннъ сталъ такъ размышлять: «Куда теперь пойду? Я нагъ и мнѣ стыдно показаться людямъ на глаза. Пойду въ монастырь и тамъ поработаю Богу, спасшему меня отъ смерти, въ нищетѣ и смиреніи».

И онъ отправился въ путь.

Пройдя довольно большое пространство, онъ увидѣлъ монастырь и постучался въ его ворота. Привратникъ, видя его нагимъ, снялъ съ себя одежду, отдалъ ему ее и, введя его въ келію, далъ ему хлѣба, и когда Иоаннъ поѣлъ, спросилъ его:

— Откуда ты, братъ?

— Я странникъ, — отвѣчалъ Иоаннъ. — Я выскочилъ изъ потерпѣвшаго крушеніе корабля, ухватился за доску и меня долго носило волнами. Но Богъ спасъ меня, и вотъ я былъ выкинутъ въ вашу страну.

Привратникъ умилился, и опять спросилъ:

— Куда же ты хочешь теперь идти, братъ?

— Да хотѣль бы поступить въ монахи, — отвѣчалъ ему Іоаннъ. — Умоляю тебя, скажи мнѣ: могу-ли я здѣсь остаться вмѣстѣ съ вами?

— Подожди немного, — отвѣчалъ ему инокъ. — Я пойду доложу о тебѣ нашему игумену.

И онъ отправился къ игумену и все объяснилъ ему. Игуменъ приказалъ привести Іоанна къ себѣ и увидѣвъ юношу, разрѣшилъ ему остаться въ монастырѣ и въ скоромъ времени постригъ его въ монахи. И сталъ Іоаннъ проводить жизнь въ послушаніяхъ и трудахъ, но только ни на минуту не оставляла его скорбь по братѣ его Аркадіи, котораго онъ считалъ утонувшимъ въ морской глубинѣ.

А Аркадій, выйдя на берегъ въ Тетрапиргіи, сталъ, въ свою очередь, думать о братѣ своемъ Іоаннѣ, много горевалъ о немъ и плакалъ такъ, что изнемогъ. Успокоившись немного, онъ пришелъ въ какую-то деревню, гдѣ ему дали ветхую одежду и покормили немного. Поѣвъ, онъ отправился въ тамошнюю церковь, помолился о братѣ, легъ близъ церкви и уснулъ.

А затѣмъ онъ проснулся и сталъ такъ разсуждать: «Если я пойду сейчасъ къ родителямъ, то явившись къ нимъ безъ брата, опечалю ихъ. Если же пойду продолжать свое ученіе и, окончивъ его, возвращусь домой, то опять ихъ не возвеселю: увидѣвши меня одного, они будутъ горько рыдать. Что же мнѣ теперь дѣлать? Пойду лучше въ монастырь и поступлю въ монахи».

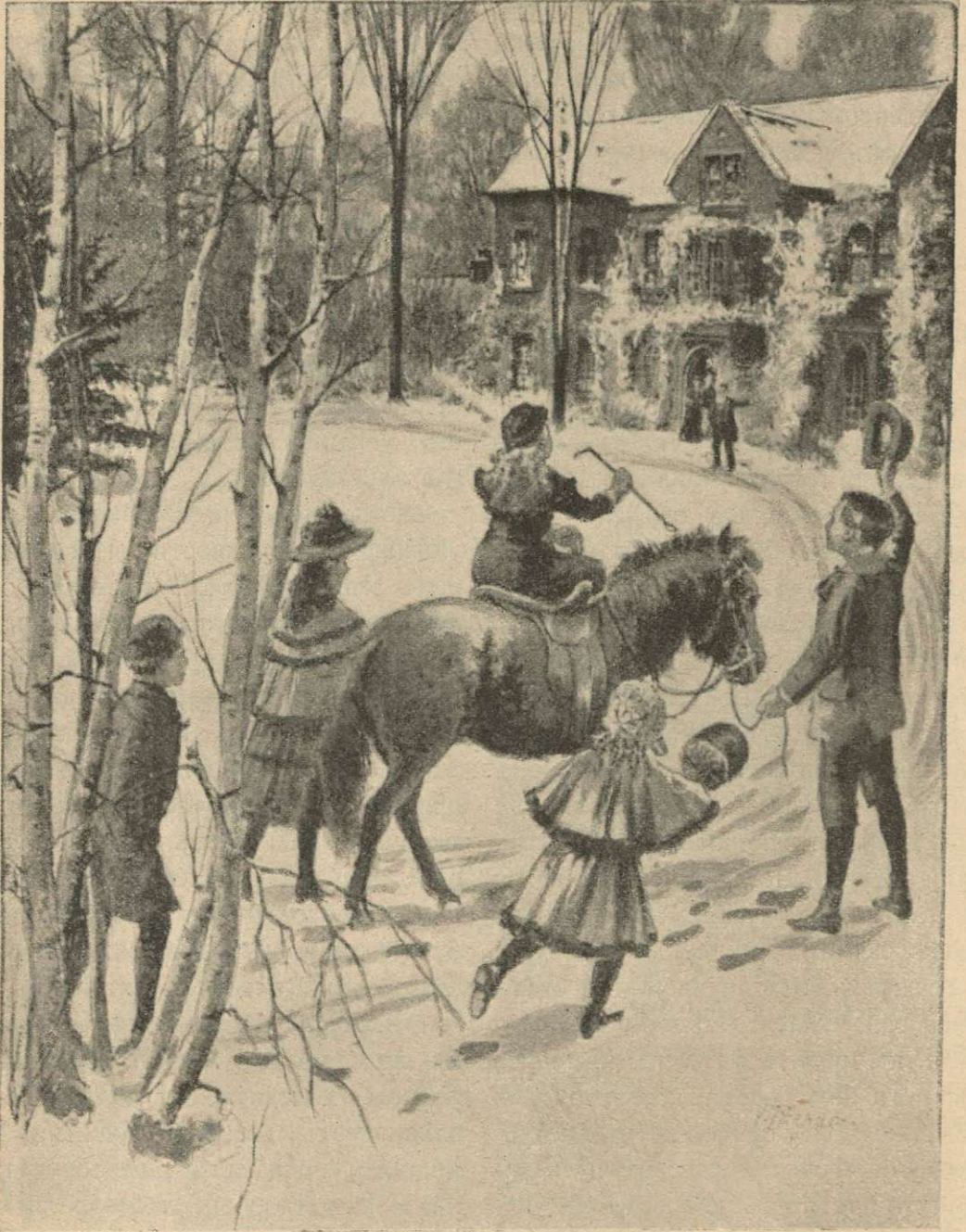
И рѣшивъ такъ, онъ отправился въ Іерусалимъ, поклонился тамъ святымъ мѣстамъ и сталъ подыскивать себѣ монастырь. На пути онъ встрѣтилъ нѣкоего прозорливаго старца, убѣленного сѣдинами, и, припавъ къ его ногамъ, сталъ цѣловать ихъ.

— Не печалься, — сказалъ ему старецъ. — Твой братъ живъ, спаслись и всѣ бывшіе съ вами на кораблѣ, и всѣ они поступили въ монахи и живутъ теперь въ монастыряхъ. Твой братъ Іоаннъ уже монахъ, и ты скоро его увидишь своими собственными глазами.

Слова эти изумили Аркадія. Онъ удивился прозорливости святого, снова палъ къ его ногамъ и сталъ умолять его, чтобы старецъ постригъ въ монахи и его.

— Иди за мною, — сказалъ ему старецъ. И, введя его въ лавру святого Харитона, онъ постригъ его тамъ, прожилъ съ нимъ вмѣстѣ цѣлый годъ, а затѣмъ удалился въ пустыню, оставивъ Аркадія одного и пообѣщавъ ему, что черезъ три года онъ опять будетъ съ нимъ видѣться.

Прошло два года. Ксенофонтъ, не зная, что случилось съ его сыновьями на морѣ, послалъ одного изъ своихъ рабовъ въ Виритъ, гдѣ должны были заканчивать свое ученіе Іоаннъ и Аркадій, и приказалъ ему разузнать, какъ ихъ здоровье и скоро ли они окончатъ курсъ, такъ какъ и отецъ и мать очень дивились тому, что ихъ дѣти столько времени не дали о себѣ знать и не написали о себѣ ни строчки.

— Здравствуй, дѣдушка, мы идемъ къ тебѣ въ гости!

Цыплятки.

Прійдя въ Виритъ и узнавъ, что дѣти его господина такъ и не пріѣзжали учиться, рабъ опечалился, но подумаль, что они отправились въ Аѳины, гдѣ преподавались еще лучшія науки и учителя были еще знаменитѣе, и пошелъ самъ въ Аѳины. Но и тамъ ихъ не нашель. Тогда, въ смущеніи, онъ побрель къ себѣ домой. На пути онъ остановился отдохнуть на одномъ постояломъ дворѣ и вдругъ встрѣтилъ тамъ монаха, который шелъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Іерусалимъ. Онъ приглядѣлся къ нему и узналъ въ немъ одного изъ тѣхъ рабовъ, которые плыли по морю вмѣстѣ съ Аркадіемъ и Іоанномъ.

— Не рабъ ли ты господина моего, Ксенофонта?—спросилъ онъ монаха.

Тотъ отвѣтилъ: «Да, я рабъ его. И ты мнѣ другъ, потому что мы съ тобой рабы одного и того же господина».

— Зачѣмъ же ты постригся въ монахи? И гдѣ наши господа, Іоаннъ и Аркадій? Я изъ силъ выбился отыскивая ихъ.

Инокъ глубоко вздохнулъ, глаза его наполнились слезами, и онъ отвѣтилъ:

— Другъ мой, наши господа утонули въ морѣ; утонули и всѣ, кто былъ съ ними. Только я одинъ и спасся. И лучше мнѣ было постричься въ монахи, чѣмъ возвращаться домой и принести нашимъ господамъ и всѣмъ домашнимъ злую вѣсть. И вотъ я те-

перь инокъ и бреду въ Іерусалимъ къ святымъ мѣстамъ.

Услышавъ эти слова, рабъ началъ горько плакать, жалостно вопить и ударять себя въ грудь.

— Что мнѣ теперь дѣлать?—восклицалъ онъ.—Если возвратиться домой къ господину своему, то какъ повѣдать ему такія скорбныя вѣсти? Какъ сказать отцу и матери, что ихъ дѣти утонули? Вѣдь они отъ этого умрутъ! Не хочу я быть причиной преждевременной смерти моихъ господина и госпожи и не вернусь назадъ ни за что!

Увидѣвъ, что онъ плачетъ и не желаетъ возвращаться къ Ксенофонту, добрые люди стали утѣшать его и совѣтовали ему идти къ своимъ господамъ и сообщить имъ обо всемъ, что произошло.

Рабъ послушался ихъ совѣта, возвратился въ Царьградъ и, войдя въ домъ господина своего, сѣлъ, поникнувъ головою, и въ смущеніи молчалъ.

Узнавъ, что онъ вернулся, госпожа его Марія позвала его къ себѣ.

— Какъ поживаютъ наши дѣти?—спросила она его.

— Ничего себѣ, здоровы...—отвѣтилъ рабъ.

— А гдѣ отъ нихъ письма?

— Потерялъ въ дорогѣ...

Она не повѣрила ему, и сердце ея смутилось.

— Скажи мнѣ всю правду,—обратилась она къ нему.—Изболѣлась я душою и изнемогла тѣломъ, имѣй страхъ Божій!

Рабъ не въ силахъ былъ больше притворяться и, горько заплакавъ, сталъ передавать ей все, какъ было. Она-же, вмѣсто того, чтобы упасть на землю и громко зарыдать, немного удивилась, помолчала и въ твердой надеждѣ на Бога, проговорила:

— Молчи, никому этого не рассказывай. Богъ далъ, Богъ и взялъ.

Насталъ вечеръ. Изъ дворца возвратился отъ царя Ксенофонтъ. Впереди и позади него шла свита и слава его была велика. Прийдя домой, онъ отпустилъ всѣхъ, провожавшихъ его, и сталъ ѣсть хлѣбъ. Онъ ѣлъ только одинъ разъ въ день и то вечеромъ.

— А знаешь-ли,—сказала ему Марія, рабъ нашъ возвратился отъ дѣтей изъ Вирита.

— Ну, слава Богу!—отвѣчалъ Ксенофонтъ.—А гдѣ-же онъ?

— Не будемъ сегодня беспокоить-ся и давай лучше кушать. Завтра ты прочтешь письма, да къ тому же наши дѣти многое велѣли передать и устно.

— Нѣтъ, письма я сегодня хочу прочесть и узнать, здоровы-ли дѣти, а то, что рабъ хочетъ передать устно, могу выслушать и завтра.

Марія не могла уже больше сдержаться, залилась слезами и отъ горя не могла ничего отвѣтить. Ксенофонтъ удивился и спросилъ ее.

— Что съ тобою, Марія? Чего ты такъ плачешь? Уже не заболѣли-ли наши дѣти?

Она едва могла отвѣтить:

— Лучше было бы, если бы забо-

лѣли, но милыя наши дѣти погибли въ морѣ.

Ксенофонтъ застоналъ и тоже залился слезами.

И затворились они въ своей комнатѣ и промолились въ ней всю ночь. Когда же стало свѣтать, они заснули.

Пробудившись-же, они уже не могли оставаться дома, гдѣ каждый предметъ напоминалъ имъ объ ихъ дѣтяхъ, и засобирались въ Иерусалимъ. Приѣхавши туда, они обошли всѣ святыя мѣста, много тамъ молились и творили милостыню. Затѣмъ они стали обходить всѣ монастыри, лежавшіе вокругъ Иерусалима. Какъ вдругъ, на пути къ одному изъ нихъ, они повстрѣчались съ инокомъ, который оказался какъ разъ однимъ изъ рабовъ, сопровождавшихъ на кораблѣ Иоанна и Аркадія. Они обрадовались ему, цѣловали его и поклонились ему до земли. Инокъ тоже имъ кланялся въ ноги и просилъ ихъ:

— Умоляю васъ, не кланяйтесь мнѣ. Неприлично вамъ, моимъ господамъ, кланяться мнѣ, вашему рабу.

— Не безпокойся этимъ, отвѣтилъ ему Ксенофонтъ.—Лучше расскажи, гдѣ наши дѣти?

Инокъ прослезился и отвѣчалъ:

— У насъ разбился въ морѣ корабль, и каждый изъ насъ, ухватившись за первую попавшуюся доску, поплылъ, куда глядѣли глаза, врозь отъ другихъ. И теперь я не знаю, спасся-ли еще кто-нибудь кромѣ меня, или только я одинъ изъ всѣхъ былъ выброшенъ волнами въ Тиръ.

Ксенофонтъ и Марія, одаривши его, отпустили его съ миромъ и отправились въ окрестности Иордана, чтобы тамъ помолиться и раздать милостыню. Пройдя немного, вдругъ встрѣтили они того самаго старца, который постригъ въ монахи сына ихъ Аркадія. Они припали къ его ногамъ и стали просить его молитвы.

— Не скорбите, — сказалъ имъ старецъ. — Ваши дѣти живы. Идите туда, куда идете, и когда окончите ваше богомолье, возвратитесь опять въ Иерусалимъ и тамъ встрѣтите вашихъ дѣтей.

Ксенофонтъ и Марія отправились на Иорданъ, а старецъ пришелъ въ Иерусалимъ, сѣлъ въ храмъ Воскресенія и сталъ отдыхать. И вотъ когда онъ отдыхалъ, приходитъ вдругъ въ Иерусалимъ юный инокъ Иоаннъ, сынъ Ксенофонта, тоже поклониться святымъ мѣстамъ.

Старецъ любезно встрѣтилъ его, благословилъ и сказалъ:

— Гдѣ ты былъ доселѣ, Иоаннъ? Твои отецъ и мать разыскиваютъ тебя, да и ты самъ пришелъ сюда, чтобы отыскать своего брата Аркадія!

Иоаннъ удивился и припалъ къ его ногамъ.

— Умоляю тебя, отецъ, — обратился онъ къ нему, — скажи, гдѣ братъ мой? Изболѣлась моя душа отъ желанія его видѣть. Долго я молился Богу, чтобы онъ открылъ мнѣ, живъ онъ или нѣтъ, но Богъ не благословилъ открыть мнѣ этого.

Отвѣчалъ ему старецъ:

— Сядь рядомъ со мной. Сейчасъ увидишь своего брата.

Иоаннъ сѣлъ и вдругъ видитъ — идетъ къ нему другой юный инокъ, поху-дѣвшій и осунувшійся отъ трудовъ. Это и былъ Аркадій.

Старецъ сказалъ и ему:

— Сядь рядомъ со мною.

И Аркадій сѣлъ.

Помолчавъ немного, старецъ обратился къ Иоанну:

— Откуда ты родомъ?

Иоаннъ сталъ рассказывать, что онъ родомъ изъ Царьграда, сынъ боярина, что у него былъ братъ Аркадій, вмѣстѣ съ которымъ онъ былъ посланъ въ Виритъ учиться, что поднялась буря и корабль ихъ разбился, и что утонули всѣ, кромѣ его одного.

Слушая его рассказъ, Аркадій всмотрѣлся въ него и узналъ въ немъ своего брата и, отъ любви къ нему будучи не въ состояніи больше утерпѣть, воскликнулъ:

— Да, это братъ мой Иоаннъ!

— Я и самъ знаю это, — отвѣчалъ старецъ, — только хотѣлъ, чтобы вы сами узнали другъ друга.

И бросились братья одинъ другому на шею и со слезами радости долго обнимались и цѣловались.

Два дня спустя возвратились отъ Иордана Ксенофонтъ и Марія. Увидавши прозорливаго старца, они узнали его и поклонились ему.

— Отче, — сказали они ему — исполни-же свое обѣщаніе, покажи намъ нашихъ дѣтей.

А въ это время около старца стояли два инока Іоаннъ и Аркадіѣ. Старецъ приказалъ имъ нарочно ничего не говорить, не смотрѣть на родителей и опустить глаза въ землю, чтобы никто ихъ не узналъ, дѣти тотчасъ-же признали своихъ родителей и обрадовались, но родители никакъ не могли ихъ узнать. И обратился къ Ксенофонту и Маріи старецъ:

— Пойдите на вашу квартиру и приготовьте намъ поѣсть, а я приду къ вамъ съ этими учениками моими, покушаемъ всѣ вмѣстѣ, и тогда я сообщу вамъ, гдѣ ваши дѣти.

Они обрадовались и приготовили отличный обѣдъ. Вскорѣ пришли къ нимъ старецъ съ Іоанномъ и Аркадіемъ, которымъ онъ приказалъ все еще не открываться, сѣли за столъ и стали кушать и разговаривать о постороннемъ.

— Отче — не утерпѣли Ксенофонтъ и Марія, — скажи же намъ, какъ живутъ наши дѣти?

— Отлично, отвѣчалъ имъ старецъ.

— Какіе славные твои ученики, отче! Что, если бы и наши дѣти были таковы же! Очень они полюбились намъ! И какъ только мы увидели этихъ иноковъ, то обрадовались имъ, точно нашимъ роднымъ дѣтямъ.

Тогда обратился старецъ къ Аркадію:

— А ну-ка, Расскажи намъ, гдѣ ты родился и какъ воспитанъ?

Какъ только Аркадіѣ рассказалъ свою исторію, такъ тотчасъ же родители и узнали своихъ дѣтей, не давши ему еще договорить.

— Да это дѣти наши! — воскликнули они. — Это свѣтъ нашихъ очей!

И долго они ихъ прижимали къ сердцу, цѣловали и плакали отъ радости.

Прослезился и самъ старецъ. А спустя немного времени, Ксенофонтъ продалъ всѣ свои имѣнія, роздалъ деньги нуждающимся, отпустилъ рабовъ на волю и постригся въ монахи и самъ.

Дѣдушка.

ПРОКАЗНИКЪ.

— «Сколько разъ я говорила,
Чтобы ты не бралъ чернила,
Чтобъ ты ими не писалъ...
Для чернилъ ты еще малъ!

А ты вымазалъ мордашку,
Руки, локти и рубашку,
Не отмоешь тебѣ лапъ.
Сталъ ты черенъ, какъ арапъ!»

Такъ журила мать ребенка.
А онъ сталъ смѣяться звонко
И жалѣть, что не отпилъ
Изъ чернильницы чернилъ.

Кузнечикъ.

Б А Р Р И.

(Повѣсть ¹⁾).

(Продолженіе).

Прошло два года. Герцогъ и герцогиня Борегаръ все еще разыскивали своего исчезнувшего сына, маркизь Кламеранъ опять былъ признанъ ихъ наслѣдникомъ и часто бывалъ у нихъ, а Сюзанна тогда-же получила отъ него пять тысячъ и уѣхала къ себѣ въ деревню. Тамъ она купила себѣ домъ и поселилась въ немъ вмѣстѣ съ матерью.

А Жанна Сюзоръ пролежала въ больницѣ шесть недѣль. Въ бреду она металась, вскакивала, просила ѣсть и требовала къ себѣ ребенка. И глядя на ея безумные глаза, на ея страданія, старый добрякъ-докторъ печально качалъ головой и задумчиво говорилъ:

— Эта женщина была голодна и навѣрное никто не давалъ ей куска хлѣба. Такъ-же вѣроятно и то, что она лишилась своего ребенка.

И всѣ въ больницѣ ждали перелома ея болѣзни. Если она выдержитъ его, то останется жива, а если не выдержитъ, то однимъ человѣкомъ на свѣтѣ будетъ меньше. И старый докторъ ходилъ около ея постели и то и дѣло щупалъ ея пульсъ.

Но нѣтъ! Судьбѣ не угодно было, чтобы Жанна умерла. Когда насталъ кризисъ, этотъ переломъ ея болѣзни, она открыла глаза и рассудокъ воз-

вратился къ ней на нѣсколько мгновений. И въ эти нѣсколько мгновений она только и подумала, что о Робертѣ и только и могла прошептать блѣдными губами:

— Господи, спаси меня, не дай мнѣ умереть... Кто же тогда возьметъ назадъ Роберта?

И Богъ внялъ ея мольбѣ и возвратилъ ей жизнь. И когда она поправилась и вышла изъ больницы, то передъ ней снова открывался большой шумный городъ, въ которомъ для всѣхъ она была чужая и въ которомъ, какъ и прежде, должна была искать работы. И если она не найдетъ работы сейчасъ, теперь же, то ей негдѣ будетъ ночевать и она опять должна будетъ очутиться на улицѣ, просить милостыню и ночевать подъ открытымъ небомъ.

И она задумалась, не зная, куда направить свой путь.

— Подождите, Жанна, — вдругъ послышался сзади нея чей-то голосъ.

Она обернулась и увидѣла позади себя добраго доктора.

— Что вамъ угодно? — спросила она его.

— Куда вы теперь пойдете?

— Не знаю, докторъ... Буду искать работы.

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

Докторъ вытащилъ красный клѣтчатый платокъ и вытеръ имъ очки.

— Вотъ что, моя милая... — ска- залъ онъ. — У моей жены сегодня ушла горничная. Не согласитесь-ли вы занять ея мѣсто? Мы будемъ пла- тить вамъ по 15 франковъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ.

Для Жанны это было счастьемъ, котораго она не ожидала.

— О, докторъ!.. — воскликнула она. — Какъ вы добры!.. Я буду слу- жить вамъ и вашей супругѣ, какъ вѣрная собака!

И она хотѣла поцѣловать ему руку, но онъ отдернулъ ее и ласково ска- залъ: —

— Ну, ладно, ладно... Собака или кошка, — ужъ тамъ видно будетъ!.. А теперь идите за мной.

Жанна послѣдовала за нимъ и скоро поселилась у доктора и была его вѣрной слугой. Докторша не могла нахвалиться ею, все у нея было чисто и въ порядкѣ и каждый пустячокъ былъ цѣль и лежалъ на своемъ мѣстѣ. И Жанна была довольна своими гос- подами: они относились къ ней, какъ къ родственницѣ, и не упустили слу- чая сдѣлать ей что-нибудь пріятное. Только одна мысль беспокоила ее: что-то теперь съ ея маленькимъ Ро- бертомъ? Живъ-ли онъ? Не боленъ- ли? Хорошо-ли его кормятъ?

И она ничего не тратила на себя и все откладывала деньги въ уголокъ своего сундучка, чтобы накопить ихъ достаточно и имѣть возможность уплатить за содержаніе Роберта въ Вос-

питательномъ домѣ. И когда у нея получится изъ сбереженій необходи- мая сумма, она тотчасъ же отпра- вится въ Воспитательный домъ, уплатитъ тамъ за сына и возьметъ его обратно. Она знаетъ, какъ найти его тамъ среди тысячъ ребятъ, та- кихъ-же, какъ и онъ. У него на шеѣ золотой крестъ на золотой цѣпочкѣ, а если крестъ этотъ уже съ него снятъ, то у него остался еще одинъ признакъ — это рубецъ на затылкѣ отъ паденія на жестянку. Она при- детъ въ контору Воспитательнаго дома, обратится тамъ къ бухгалтеру и тотъ ей скажетъ, какія дѣти были подкинуты 13 ноября два года тому назадъ? Среди нихъ-то она и найдетъ своего Роберта. А сколько будетъ стоить, — она уплатитъ!

И вотъ, когда ей оставалось зара- ботать еще половину всѣхъ необхо- димыхъ денегъ, маркизь Кламеранъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и что-то писалъ. Теперь ужъ онъ былъ на- слѣдникомъ герцога Борегаръ и по- лучалъ отъ него много денегъ и по- этому все въ его кабинетѣ было рос- кошно: стояли статуи, висѣли дорогія картины и были разостланы такіе ковры, что было жалко по нимъ сту- пать. Было холодно, шелъ снѣгъ и въ каминѣ у маркиза горѣлъ огонь и было такъ тепло и уютно, что не хотѣ- лось вѣрить, что на дворѣ стояла зима.

Вдругъ раздался звонокъ.

«Кто-бы это могъ быть?» — подумалъ Кламеранъ. — «Я не ожидаю сегодня никого».

Звонокъ повторился и вслѣдъ затѣмъ въ кабинетъ вошелъ лакей.

— Васъ спрашиваетъ какой-то человѣкъ, г-нъ маркизъ... доложилъ онъ.—Желаетъ видѣть...

— Но ты сказалъ ему, отвѣтилъ маркизъ Кламеранъ,—что я сегодня никого не принимаю?

— Такъ точно, г. маркизъ, но этотъ человѣкъ говоритъ, что ему непременно васъ нужно видѣть.

— Кто онъ такой?

— Я спрашивалъ его, но онъ не говоритъ. Какъ прикажете съ нимъ поступить?

Кламеранъ подумалъ и поднялся съ мѣста.

— Проси... сказалъ онъ.

Лакей ушелъ и вслѣдъ затѣмъ въ кабинетъ ворвался какой-то мужчина въ черномъ плащѣ.

— Петруччіо!! въ удивленіи воскликнулъ Кламеранъ.

— Да, это я! отвѣтилъ Петруччіо и откинулъ свой плащъ назадъ.

— Зачѣмъ? Что тебѣ нужно? спросилъ маркизъ и руки его задрожали.

— Зачѣмъ? отвѣтилъ воръ.— Вотъ это мнѣ нравится! Конечно, за деньгами!

И онъ громко разсѣялся.

— За какими деньгами? спросилъ Кламеранъ.— Вѣдь я тебѣ тогда-же уплатилъ!

— Эге! воскликнулъ Петруччіо.— Развѣ вы, маркизъ, не знаете, что деньги, какъ вода въ рѣшетѣ? Текуть такъ, что ихъ и не поймашь! Ваши денежки я уже давно потратилъ!

Набѣгалась.

1. Въ понедельник, въ магазинѣ Жоржа будетъ распродажа. Это хорошо. Надо будетъ пойти.

2. Помѣстивъ объявленіе въ газетѣ, Жоржъ сталъ готовиться къ распродажѣ.

3. Въ это время изъ Африки приѣхало почтенное семейство негровъ и —

4. Остановилось въ гостиницѣ надъ магазиномъ Жоржа.

5. Прочитавъ объявленіе о распродажѣ, публика стала сходитьсѣ.

6. Увидѣвъ, въ окошкахъ негровъ, она заинтересовалась ими.

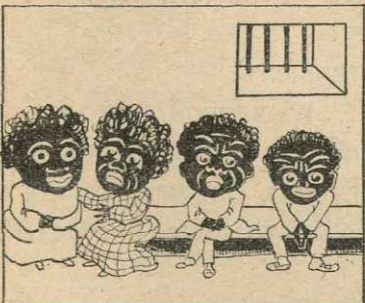
7. Подумали, что это Жоржъ нарочно пригласилъ негровъ, чтобы побольше привлечь покупателей.

8. Стали дразнить негровъ, а они передъ публикой въ долгу не остались.

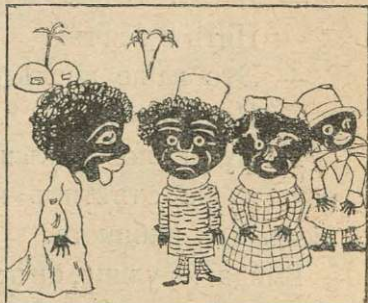
9. Началось настоящее побоище. Негры вышвырнули на публику все что можно.

10. Кончилось дѣло тѣмъ, что негровъ забрали въ участокъ.

11. А затѣмъ на кораблѣ ихъ вывели на родину.

12. — Ну, какъ вамъ понравились европейцы? спросили ихъ, когда они возвратились домой.
— Совѣтъ еще дикари! отвѣтили негры.

— Такъ что-же тебѣ нужно еще?

— Вѣдь я же вамъ сказалъ уже, что денегъ!

Маркизь взадъ и впередъ прошелся по кабинету.

— Я не дамъ ихъ тебѣ, отвѣтилъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ.— Ты уже получилъ свое!

Петруччіо сдѣлалъ хитрую гримасу.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ,—я отправлюсь къ герцогу Борегару и сообщу ему, гдѣ находится его ребенокъ. Какъ объ этомъ думаетъ г-нъ маркизь?

Кламеранъ задрожалъ.

— Ты не сдѣлаешь этого,—сказалъ онъ.

— Почему? Развѣ только потому, что г. маркизь дастъ мнѣ денегъ?

Маркизь провелъ рукою по волосамъ.

— Сколько ты хочешь взять денегъ?—спросилъ онъ.

— Двадцать тысячъ,— отвѣтилъ негодяй.—Ни сантимы меньше!

Кламеранъ поблѣднѣлъ.

— У меня этихъ денегъ нѣтъ,—едва имѣлъ онъ силъ произнести.—Давай поторгуйся. Возьми поменьше!

— А сколько вы можете дать?

— Пять тысячъ...

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее.

Петруччіо повернулся къ нему спиною и, не отвѣтивъ ни слова, вышелъ изъ кабинета.

Выйдя на улицу, онъ завернулся въ плащъ и, нахлобучивъ на лицо шляпу, направился къ дому герцога Борегара.

Было темно, снѣгъ сыпалъ съ неба, какъ песокъ въ пустынѣ, и цѣлыми тучами носился по улицамъ. Прохожихъ не было ни души и только два или три извозчика попались Петруччіо на встрѣчу. Фонари задуло вѣтромъ и Петруччіо былъ увѣренъ, что теперь его не увидитъ никто и что эта темнота скроетъ его отъ глазъ полиціи, какъ ширма.

По дорогѣ была бакалейная лавочка. Петруччіо зашелъ въ нее, купилъ листъ бумаги и конвертъ и тутъ же написалъ слѣдующее:

«Нѣкто знаетъ, гдѣ въ настоящее время находится вашъ сынъ. Если вы вышлете ему сейчасъ 20 тысячъ, то онъ вамъ расскажетъ всю исторію, какъ онъ исчезъ».

И, запечатавъ это письмо въ конвертъ, онъ сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись:

«Его свѣтлости, герцогу Борегару, у котораго украли сына».

А затѣмъ онъ отправился къ герцогу Борегару, позвонилъ и, когда отворилъ ему швейцаръ, приказалъ передать ему это письмо.

Черезъ нѣсколько времени вышелъ къ нему лакей и сказалъ ему:

— Войдите!

Петруччіо вошелъ.

Посрединѣ громадной столовой стоялъ массивный дубовый столъ и около него стоялъ блѣдный герцогъ Борегаръ. На столѣ лежалъ толстый пакетъ.

— Это письмо отъ васъ?—спросилъ герцогъ.

— Да, ваша свѣтлость, отвѣтилъ Петруччіо, не раскрывая лица.

— Вы пришли сказать мнѣ всю правду?

— Да, ваша свѣтлость.

— Деньги лежатъ на столѣ, вотъ онѣ. Я дамъ вамъ не 20, а 30 тысячъ, если вы скажете мнѣ всю правду.

— Я отвѣчу на каждый вопросъ вашей свѣтлости.

— Гдѣ мой ребенокъ?

— Въ Воспитательномъ домѣ.

— Кто его туда отнесъ?

— Я.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Мнѣ приказалъ маркизь Кламеранъ.

— Для чего это ему было нужно?

— Чтобы снова сдѣлаться вашимъ наслѣдникомъ.

Герцогъ вздрогнулъ. Такъ вотъ кто его злѣйшій врагъ! И этого человека, этого своего врага, онъ принималъ у себя каждый день, онъ относился къ нему, какъ къ близкому, искреннему другу. Теперь для герцога понятно все.

— Вы лжете!—едва имѣлъ онъ силъ произнести.

— Прошу герцога провѣрить мои слова,—отвѣтилъ Петруччіо.—Пусть онъ отправится въ Воспитательный домъ и спроситъ, кто былъ подкинутъ два года тому назадъ, 13-го ноября, въ 10 час. утра? И если мои слова окажутся неправдой, то я прошу его свѣтлость не давать мнѣ ни копейки.

Герцогъ протянулъ ему пакетъ съ деньгами и сказалъ:

— Уходите скорѣе!

И Петруччіо вышелъ.

А полчаса спустя, около Воспитательнаго дома остановилась карета. Изъ нея вышли герцогъ и герцогиня Борегаръ и отправились прямо въ контору.

За прилавкомъ стоялъ все тотъ-же старый бухгалтеръ, что и два года тому назадъ, и водилъ перомъ по бумагѣ.

— Я, герцогъ Борегаръ,— обратился къ нему герцогъ.—Позвольте узнать, кто былъ подкинутъ къ вамъ два года тому назадъ, 13-го ноября?

Бухгалтеръ раскрылъ толстую книгу, надѣлъ очки и прочиталъ въ ней.

— Всего только два ребенка за весь день, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ онъ.—И оба мальчики. Номеръ 1640-й и номеръ 1641-й. Одинъ съ золотымъ крестомъ на шеѣ, повидимому аристократическаго происхожденія, хотя и въ лохмотьяхъ, а другой совершенно голый.

— Могу я ихъ увидѣть?—спросилъ герцогъ.

— Какъ-же, какъ же, ваша свѣтлость!—отвѣтилъ бухгалтеръ.—Оба живы и мы обоихъ вамъ сейчасъ покажемъ.

И, позвонивъ въ колокольчикъ, онъ приказалъ принести Жака и Роберта.

Они уже подросли, измѣнились и узнать ихъ даже матери было нельзя. Но когда герцогиня увидала на Ро-

бергъ крестъ, который она сама когда-то повѣсила на шею своему сыну, то сердце ея такъ забилося, что она едва устояла на ногахъ.

— Мой! Мой! воскликнула она.— Это Жакъ, мой дорогой сынокъ!

— Да, это онъ! въ свою очередь воскликнулъ герцогъ.— Это нашъ милый сынъ!

И оба они стали цѣловать Роберта, прижимать его къ сердцу, ласкать... У обоихъ текли по щекамъ обильныя слезы радости и имъ казалось, что ихъ сынокъ воскресъ изъ мертвыхъ и что для нихъ открывается теперь новая жизнь, полная счастья и радостныхъ надеждъ. Бухгалтеръ, принесшій дѣтей няньки и сторожа, видя эту радость герцога и герцогини тоже плакали, а старый секретарь, видѣвшій уже виды на своемъ вѣку, вытащилъ изъ кармана большой ситцевый платокъ и громко сталъ въ него сморкаться.

И, щедро оплативъ воспитаніе ребенка, герцогъ и герцогиня взяли Роберта и, думая, что это ихъ сынъ, чуть не бѣгомъ понесли его въ карету.

— А что, если его опять у насъ украдетъ Кламеранъ? вдругъ испугалась герцогиня, когда они уже мчались къ себѣ домой.

— Не бойся, милая, успокоилъ ее герцогъ.— Я уже обдумалъ это. Завтра-же утромъ мы переѣдемъ на житьельство въ Италію и ни одна живая душа не будетъ знать, гдѣ мы. Тамъ мы займемся воспитаніемъ на-

шего сына и постараемся сдѣлать изъ него честнаго человѣка.

— А какъ-же нашъ домъ?

— Мы его продадимъ, распустимъ всѣхъ слугъ и завтра-же уѣдемъ незамѣтно. У насъ есть другъ, нашъ докторъ, онъ позаботится здѣсь обо всемъ и устроитъ все дѣло безъ васъ. Я ему вѣрю вполнѣ и только одному ему и сообщу, куда мы уѣдемъ.

Герцогиня съ благодарностью пожала мужу руку и крѣпко прижала къ груди ребенка.

— Теперь я тебя никому не отдамъ! проговорила она.— Я сама буду тебя воспитывать.

Поздно вечеромъ герцогъ пригласилъ къ себѣ доктора, а на слѣдующій день утромъ герцогскій дворецъ уже опустѣлъ.

Герцогъ и герцогиня скрылись неизвестно куда.

— Жанна, отчего вы такъ печальны? обратился добрячокъ-докторъ въ Жаннѣ. Сюзоръ мѣсяць спустя послѣ описанной исторіи.

Жанна покраснѣла и закрыла платкомъ глаза.

— Говорите, говорите, не стѣсняйтесь! продолжалъ докторъ.

Жанна собралась съ духомъ и отвѣтила:—

— Я вдова, докторъ, но у меня есть ребенокъ и мнѣ такъ-бы хотѣлось его видѣть!

— Такъ пойдите и повидайтесь съ нимъ! ласково сказалъ докторъ.

— Не могу, докторъ, онъ въ Воспитательномъ домѣ.

— Какъ-же онъ туда попалъ?

— Я была голодна, докторъ, и чтобы мой бѣдный Робертъ тоже не умеръ съ голоду, я принуждена была подкинуть его въ Воспитательный домъ.

— Отчего-же вы не возьмете его теперь?

Жанна покраснѣла опять.

— Я еще не накопила денегъ, чтобы уплатить за его воспитаніе, докторъ, отвѣтила она,— да къ тому же мнѣ не ловко съ нимъ жить у васъ. Онъ будетъ бѣгать, кричать, надоѣдать...

Докторъ подумалъ.

— А много вамъ еще осталось копить? спросилъ онъ.

— Полтора ста франковъ, докторъ.

Докторъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, поговорилъ о чемъ-то со своей женой и тотчасъ-же возвратился обратно.

— Вотъ вамъ, Жанна, 150 франковъ, сказалъ онъ и протянулъ къ ней деньги.— Вы должны немедленно же выкупить на нихъ своего сына Роберта. А вотъ вамъ еще 150 фран-

Урокъ музыки.

ковъ. На нихъ вы наймите себѣ отдѣльную квартиру и поселитесь въ ней со своимъ младенцемъ. Что касается работы, то я предоставлю вамъ ее. Вы будете шить бѣлье на нашу больницу.

— О, докторъ! воскликнула Жанна.— Какъ мнѣ васъ благодарить!

Но докторъ не любилъ, когда его благодарили.

— Это будетъ какъ нельзя болѣе

кстати, продолжалъ онъ.—Моя жена должна скоро уѣхать на воды лечиться, вы намъ ужъ больше не нужны, а отказать вамъ отъ мѣста было жалъ. Итакъ, берите деньги, отправляйтесь искать себѣ комнату и затѣмъ поселяйтесь въ ней вмѣстѣ съ сыномъ. А мнѣ уже пора. Меня уже давно ждуть мои больные.

И надѣвъ теплое пальто, бѣлый галстукъ и цилиндръ, онъ взялъ трость и вышелъ на улицу.

Сердце Жанны было полно радости. Она стояла, какъ во снѣ, и не вѣрила тому, что съ нею случилось. Какъ! Она, нищая, никому не нужная и всѣми презираемая, и вдругъ будетъ жить своимъ трудомъ, въ своей комнатѣ да еще со своимъ сыномъ! Нѣтъ, этого быть не можетъ! Вѣроятно, она ослышалась, или все это — одинъ длинный сонъ, отъ котораго не хотѣлось ей проснуться! И она даже ущипнула себя, чтобы убѣдиться, что она не спитъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ она наняла себѣ комнату съ кое-какою мебелью, а на слѣдующее утро уже была въ конторѣ Воспитательнаго дома.

— Что вамъ угодно? спросилъ ее бухгалтеръ.

— Два года тому назадъ, отвѣтила она, — 13-го ноября, въ десятомъ часу утра я подкинула сюда ребенка, чтобы онъ не умеръ съ голоду. Теперь я хочу его взять.

Бухгалтеръ открылъ свою толстую книгу.

— А какія примѣты вашего ребенка? спросилъ онъ.

— Бѣлокурый, на затылкѣ рубецъ отъ паденія на жестянку.

Бухгалтеръ опять посмотрѣлъ въ книгу и прочитавъ подъ № 1641-мъ про Жака Борегара, что у него тоже былъ рубецъ на шеѣ, отвѣтилъ:—

— Да, такой у насъ есть.

И, позвонивъ въ колокольчикъ, онъ приказалъ вынести Жаннѣ Жака Борегаръ.

Она увидала на его шеѣ рубецъ и, не помня себя отъ радости, схватила мальчика въ объятія и опрометью бросилась къ себѣ домой.

А когда она пришла домой, то ее ожидала тамъ непрятность. Изъ больницы ей прислали сказать, что какой-то богатый купецъ пожертвовалъ для больныхъ массу бѣлья и что ея трудъ теперь не нуженъ. Значитъ, ей опять нужно будетъ искать себѣ заработка и значитъ опять судьба обрекаетъ ее на лишенія и невзгоды. Правда, у нея еще осталось немного денегъ изъ тѣхъ, которыя далъ ей докторъ. Къ сожалѣнню, она не рассчитала хорошенько и за воспитаніе сына ей пришлось уплатить гораздо больше, чѣмъ она предполагала. Но что будетъ дальше, когда выйдетъ послѣдняя копейка?

И вспомнивъ все то, что ей пришлось уже испытать, она содрогнулась и крѣпко прижала къ себѣ ребенка.

— Нѣтъ, я больше не разстанусь съ тобой, мой милый Робертъ,—сказала она,—я должна достать себѣ работы, я должна поступить на мѣсто!

Но кто возьметъ ее съ ребенкомъ? Куда найметъ ее, имѣя на рукахъ Роберта? Кому не извѣстно, что на всѣхъ фабрикахъ, гдѣ работаютъ женщины, совсѣмъ не допускаютъ маленькихъ дѣтей?

И въ страхѣ за себя и за Роберта она побѣжала опять къ доктору, который былъ уже для нея такъ добръ.

Докторши дома не было, она была за границей, вся мебель стояла въ чехлахъ и повсюду пахло листовымъ табакомъ, набросаннымъ отъ моли. Только одну комнатку занималъ самъ докторъ и ему прислуживала маленькая дѣвочка Луиза.

Когда Жанна подходила уже къ дому доктора, то ей навстрѣчу выбѣжала Луиза.

— А я за вами, Жанна, сказала она.—Сейчасъ господинъ докторъ получилъ письмо и послалъ меня за вами.

Сердце у Жанны забилося. Она взяла на руки ребенка и чуть не бѣгомъ бросилась за Луизой.

— Вы-то мнѣ, Жанна, и нужны! обратился къ ней докторъ.—Сейчасъ я получилъ отъ герцога Борегара изъ Италіи письмо и мой вы-

боръ остановился на васъ. Вотъ прочтите сами:

И онъ протянулъ къ Жаннѣ письмо съ герцогской короной.

Дрожащими руками она взяла отъ него письмо и прочитала слѣдующее:

«Дорогой докторъ. Позвольте обратиться къ вамъ еще съ одной, и на этотъ разъ уже съ послѣдней просьбой. Мы прибыли въ Италію и поселились въ Миланѣ. Къ сожалѣнію, нашъ ^{маленькій} Жакъ, привыкшій въ Воспитательномъ домѣ къ массѣ дѣтей, скучаетъ здѣсь одинъ, но всѣ здѣшніе дѣти не говорятъ по-французски, онъ-же не понимаетъ по-итальянски, и мы не знаемъ, какъ его развлечь. Не будете-ли вы добры прислать намъ няню, но обязательно съ маленькимъ ребенкомъ, сверстникомъ нашего Жака, чтобы они могли вмѣстѣ играть? Если вамъ удастся это, то будьте любезны прислать эту няню съ ребенкомъ къ намъ сюда, въ Италію, какъ можно скорѣе. Ѣхать къ намъ сюда нужно черезъ Швейцарію, на Цюрихъ, Люцернъ и затѣмъ черезъ Сенъ-Готардтскій проходъ. Деньги на проѣздъ при этомъ прилагаю. Очень прошу васъ поспѣшить.

Вашъ Герцогъ Борегаръ».

Жанна прочла и не вѣрила глазамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШАРАДА № 6.

Отъ семи отбросьте половину
И приставьте вы ее къ тому,
Изъ чего, заставивъ спать мужчину,
Создалъ Богъ помощницу ему.

Цѣлое-жъ родится въ слиткахъ, крош-
кахъ,

Вы найдете его въ ризахъ и въ день-
гахъ,

Въ церкви, дома, въ чайныхъ ложкахъ
И даже въ пломбированныхъ зубахъ.

АКРОСТИХЪ.

Изъ начальныхъ буквъ пяти словъ
должно составить названіе русской
рѣки. Слова эти означаютъ:

1) *Городъ въ центральной Россіи.* Три
последнія буквы въ его названіи со-
ставляютъ звѣря съ иглами, вмѣсто
шерсти.

2) *Обрывистое мѣсто.* Если отнять
первую букву въ этомъ словѣ, то по-
лучится названіе враждебнаго намъ
человѣка.

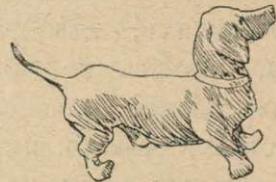
3) *Литовую кору.* Если отнять отъ
этого слова первый слогъ, то полу-
чится названіе правой или лѣвой сто-
роны любого предмета.

4) *Искусственное изображеніе земного
шара.* Три последнія буквы этого слова
составляютъ то, что бываетъ у чело-
вѣка на лицѣ.

5) *Жителя пустыни.* Если откинуть
отъ этого слова первую букву, то
получится названіе безправнаго, под-
властнаго челоѣка.

Какія это слова и какая это рѣка?

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ
эту шараду и акrostихъ, будутъ напечатаны).

РАЗГАДКА ШАРАДЫ № 3.

Портъ + Ной = Портной.

РАЗГАДКА ЗАДАЧИ № 2.

Трупъ, Уланъ, Липа, Атласъ. За-
думанное слово—Тула.

Вѣрное рѣшеніе шарады и задачи прислали
Вѣра Иванова въ Спб., Митя Станкевичъ въ Спб.,
Шура и Витя Романчукъ въ Спб., Костя Жи-
ровъ, Наташа Дитяткина въ Старой Руссѣ, Дина
Каганъ въ Ревель, Шура Корчагинъ въ Спб.,
Зайцевъ въ Спб., Коля и Маруся Алексѣвы,
Тася Быкова, Евгенія Хорватъ въ Люцинѣ, Женя
Кузьмина, Катя Арапова на ст. Сходня, Анна
Хвостова въ Вологдѣ, Павлуша Большевъ въ
Опочкѣ, Володя Орловъ въ Одессѣ, Н. Невскій,
Лида Миклашевская въ Брагинѣ, Коля Дани-
ловъ въ Саратовѣ, Маруся Шидловская въ Су-
махъ, Ник. Рудневъ въ Джанкоѣ, Надя Золо-
тарева въ Острѣ, Лидія Ландманъ въ Архан-
гельскѣ, Боря и Володя Шумаковы въ Харьковѣ,
Володя Новиковъ въ Спб., Марина Оболенская въ
Могилевѣ на Днѣпрѣ, Андрей Махновичъ—ст.
Бугурусланъ, Ник. Ильинъ—ст. Петергофъ, Пети
Моисеенко въ Харьковѣ.

Вѣрное рѣшеніе одной только шарады при-
слали: Коля и Сережа Копытко въ Екатерино-
славѣ, Александръ Николаевъ въ Харьковѣ,
Глѣбъ Булахъ въ Спб., Павликъ Виноградовъ
въ Гроднѣ, Юля Пяткова въ Харьковѣ, Коля
Бриль въ Елисаветградѣ, Володя и Шура Раковы
въ Н.-Новгородѣ.

Вѣрное рѣшеніе одной только задачи при-
слали: Оля Королько въ Спб.